М. В. БЕЛЯЕВ

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

(Оттиск из Записок Северо-Кавказск. Краевого Горского Научно-Исследовательского Института, том II)

1 9 3 0

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ.

(A. Dirr. Einfuhrung in das Studium d. kaukasischen Sprachen, Leipz. 1928.— А. М. Дирр. Введение в изучение Кавказских языков, Лейпциг. 1928 г.).

1. Кавказские языки.

Изучение собственно кавказских языков, не принадлежащих ни к индоевропейским (как армянский, осетинский, татский), ни к тюркским (как карачаевский, кумыкский, азербайджанский), ни к семитическим, все более выдвигается теперь современной лингвистикой вследствие давно уже замеченных, но во многом еще таинственных связей этих языков с языками т. н. доиндоевропейскими, как баскский, этрусский, иберийский, с вымершими языками М. Азии, как хетский, эламский, митанский и др., наконец, с языками индоевропейскими и семитическими. [1] В этих языках мы имеем как будто некоторый средний, „третий элемент средиземноморской культуры", как это определил Н. Я. Марр,— как будто среднее связующее звено между двумя по крайней мере большими языковыми семействами — индоевропейским и семитическим, как будто вообще языковый узел, соединяющий языки семитического юга, европейского севера и тюркского востока, где элементы собственно кавказской языковой системы, по всем признакам более примитивной и древней, чем семитическая и индоевропейская, и лежащей под ним, в качестве нижнего, так сказать, подпочвенного их слоя, вступают во взаимодействие с языками индоевропейскими, напр в осетинском и армянском языках с тюркскими в языках дагестанских, и потом карачаевском и кумыкском с семитическими в арабском. Изучение этих сложных языковых взаимоотношений поэтому много обещает лингвистике для разрешения ее кардинальных проблем.

До сих пор это изучение по преимуществу носило характер описательный, производилось, героическими усилиями отдельных исследователей, как Шифнер, Услар, Марр, Дирр, давших до сих пор еще не превзойденные грамматические очерки отдельных языков. Однако эти описательные работы уже дали основу для некоторых исследований сравнительного характера (работы Борка, Винклера, Шухардта, Марра, Дирра и др.) и характера сводного, как работа Erckert'a,—Sprachen d. kaukasischen Stammes. Сейчас в указанной сводной работе А. М. Дирра мы имеем следующий шаг в этом направлении. Его работа представляет общий сводный обзор кавказских языков, данный в форме 35 небольших сравнительных очерков отдельных наречий, написанный с идеей о генетическом родстве этих языков и о возможности восстановления языка „протокавказского", т. е. исходного для них языка, который, может быть, создался и не на Кавказе, но который дал начало

---

[1] См. A. Trombetti.— Elementi di Glottologia, Bol. 1923, стр. 103 сл. W Schmidt.—Die Sprachfamilien und Sprachenkreise d. Erde. Heidelb. 1926, S. 72.

теперешним кавказским наречиям и, может быть, еще иным „яфетическим“ языкам. Доказательству этого положения в сущности посвящена вся работа, хотя автор в ней дает пока еще не „протокавказское“, а только „общекавказское“, т. е. отмечает только особенности структуры, принадлежащие собственно кавказским языкам, без подробных сравнительных сопоставлений вне известных их групп.

Кавказские языки, по мнению А. М. Дирра, уходят своими корнями в почву, на которой возникли и другие языковые семейства, в частности индоевропейское и семитическое, но путь развития их был иной, и на этой почве здесь выросло дерево с тремя ветвями. „Неизвестно только, имеют ли эти ветви трехсоставного дерева общий корень, или эти корни отдельно идут в недосягаемую сейчас глубину“. Эти три ветви по Дирру: северо-западная, юго-западная и северо-восточная. К северо-западной группе, группе абхазо-адыгейской, относятся языки: абхазский, убыхский (теперь не на Кавказе), черкесский (ниж-адыгейский) и кабардинский (высоко-кабардинский); к юго-западной (картвельской) группе относятся языки: грузинский, мингрельский, лазский, сванский (чанский). Северо-восточная группа подразделяется на две подгруппы: а) чечено-ингушскую с языками: чеченским, ингушским, бацойским (тушским) и б) дагестанскую Дагестанская подгруппа подразделяется А. М. Дирром на четыре ветви: а) западную, андо-дидойскую или лезгинскую, с языками: аварским, андийским, ботлих, годоберн, карата, богулали (кванада), чамалал, тинди (тиндали), ахвах, хварчи, дидойским, капучинским, хунзахским; б) северо-восточную или даргинскую, с языками: хюркилинским, акушинским, воркунским и каракайтахским, кубачинским; в) центральную или лакскую, с языками: лакским и арчинским (в одном ауле); г) юго-восточную — кюринскую или самурскую, с языками: табасаранским, агульским, кюринским, рутульским, цахурским, будухским, джекским, хиналугским, удинским От классификации других исследователей: Н. Трубецкого и А. Тромбетти классификация Дирра отличается в распределении дагестанских языков. „Я представляю себе, говорит А М Дирр, что какой-то древнейший язык, который мы можем назвать „протокавказским“, распространился на всю массу племен, конечно, не без изменений со стороны их образа мыслей и способов выражения“. И, действительно, его книга доказывает это положение, по крайней мере в части выяснения определенных особенностей кавказской языковой системы. Кавказские языки, как выясняется из обзора А М Дирра, не случайный исторически создавшийся конгломерат различных языковых образований племен, смешавшихся и соединившихся на территории Кавказа. Они дают определенную и особую языковую систему, которую А. М Дирр в целом виде не определяет, но которая может быть, по крайней мере, в основных чертах с достаточной определенностью установлена по данным его грамматических очерков. Она говорит не только об их „элементарном“, по определению Г. Шухардта, родстве,—родстве „внутренних форм“, родстве строения, но она, по нашему мнению, указывает и „историческое“ родство, т. е. известные элементы общей традиции.[1] Определение этой системы мы считаем сейчас особенно важным не только в целях научных, но и практических, например, хотя бы для составления описательных грамматик кавказских языков, которые должны принять во внимание особенности этой системы и не могут быть разрабатываемы, как это сейчас обычно делается, прямо по типу грамматик индоевропейских языков „классической“ системы. Особенности этой системы мы постараемся определить в общих чертах по сводной и сейчас наиболее надежной в этом отношении работе А М. Дирра, явившейся

[1] Hugo Schuchardt — Brevier. Halle, 1928, стр. 189 сл.

в результате 30-тилетнего изучением им языков Кавказа, особенно дагестанских, и пользуясь его транскрипцией, лишь в отдельных случаях несколько упрощая ее по типографским условиям. [1]

2. Система Кавказских языков.

Язык есть средство социального общения, и как таковое выражается всякий раз конкретно в образовании известного рода и формы звуковых и словесных комплексов, что-либо передающих, выражающих, утверждающих или отрицающих, вообще говоря, что-либо „предицирующих" своим сочетанием помимо собственного значения элементов этого сочетания. Эти во всех случаях значимые комплексы мы называем предложениями, и они являются первичным по происхождению и основным по значению элементом речи, в котором определяется все, что речь вообще имеет и в зависимости от которого только и могут быть определены ее элементы до слова и звука включительно. В этих предложениях мы имеем два основных процесса, противоположных один другому, создающих внутреннюю диалектику речи: а) процесс расчленения общих представлений на психологические и соответственно языковые части, слова и формы и б) процесс соединения или сочетания этих элементов между собой в целях передачи выражаемого общего содержания фразы. В зависимости от того, как происходит то и другое, характеризуется весь язык, вся его структура, вся его формальная сторона, вся его техника. Принято с разными видоизменениями указывать три общих способа этого расчленения и сочетания и соответственно разделять все языки с точки зрения их внутреннего строения на три типа: а) изоляцию, т. е. полное почти разделение элементов без внешнего указания их отношений в них самих, как в т. н. корневых языках (китайский, тибето-бирманские), где сочетание выражается порядком этих элементов и ударением, б) агглютинацию, как в языках тюркских или фино-угорских, где наряду с изолированными элементами существуют присоединяемые к ним формальные элементы отношения и связи и в) флексию, как в индоевропейских языках, где наряду с изоляцией и агглютинацией мы имеем видоизменение самих элементов в сочетании (чередование звуков корня и основ). Но есть еще четвертый способ, способ полисинтетизма и инкорпирации, способ включения в целое всех относительных элементов, как в американских языках и в данном случае в кавказских. Это — особая система, создающая особый языковый строй, с особыми внутренними и внешними формами. Эту именно систему, полисинтетическую или инкорпоративную, мы и имеем в языках Кавказа, как главную их особенность.

В центре предложения стоит здесь особого рода предикативное языковое образование, которое мы определили бы, как предикативный комплекс, который только приблизительно может быть сопоставлен с нашим флективным индоевропейским глаголом и назван вербальным комплексом, но с глаголом отождествлен быть не может, так как здесь, напр. в абх. языке, выражения „я есмь" (sə-qo-ир) и „я—хорош" (sə-bzío-ир) одинаковы по форме, тогда как первое выражение — вербально, второе — аттрибутивно, да и вообще кавказский глагол близок к именным образованиям, часто лежащим в основе спряжения. Сам по себе предикативный комплекс представляет предложение в миниатюре, с указанием всех его, или, по крайней мере, главных эле-

[1] В транскрипции А. М. Дирра знаком ᶜ над буквой отмечается аспирация (pᶜ, tᶜ, kᶜ = ph. th, kh), ′—отсутствие аспирации (p′, t′, k′), знаком °—латеральный характер звуков (l^0, t^0, =l, tl), ′—знак смягчения, ç—знак особого среднего произношения (напр z= $\widetilde{zw}$), $\breve{s}$—рус. щ, $\breve{z}$ = рус. ж, z = dz, $\breve{j}$ = $\breve{dz}$, ə —редуцированный звук мягкий как рус. ы (у).

ментов: объекта, субъекта, предиката. В центре же этого предикативного комплекса мы имеем некоторый основной элемент, который А. М. Дирр называет корнем и отмечает знаком √, но который ближе, кажется, можно определить, как семантему, а не как корень в европейском смысле слова. Это основной, реально значимый элемент, а не только формально значимый. Семантема безразлична в отношении грамматической категории, отдельно она не употребляется, представляет грамматическое отвлечение, является результатом анализа, и в таком виде она ни имя, ни глагол. Глаголом или именем она является только в комплексе, в соединении с известными элементами относительности, указывающими ее место в предложении и соответствующую категорию. Основную схему среднего, так сказать, состава кавказского предиктивного комплекса можно представить так: (O)+Sb+√sm+Tm+Vrb., где O — элемент объекта (местоименно-классный элемент), Sb — элемент субъекта (личный элемент), √sm — семантема, Tm — элемент времени, Vrb. — элемент вербального окончания,— обычно форма вспомогательного глагола, наличие которого дало возможность Финку определить кавказские языки, как группо-флектирующие (впрочем по данным только грузинского языка). [1] Часто семантема представляет один слог, даже один звук, как и другие элементы предикативного комплекса. В таком виде мы и имеем предикативные комплексы абхазского языка и вообще языков абхазско-адыгейской (сев.-зап.) группы, сохраняющие больше особенностей типичной кавказской системы. Здесь в абх. напр. языке имеется семантема √zϙ—, питья (А. М. Дирр условно переводит неопределенным наклонением). Эта семантема входит в состав комплекса имени с его элементами: a-r-zϙ-π (a-член, r-кл. элемент)—напиток, и в состав предикативного комплекса: i-z-zϙ-u-eit (я пью), где i-ob., z-sb. (я), zϙ-√sm, u-Tm, eit-Vrb. (Ср. i-zbl-u-eit (я жгу), i-u-bl-u-eit (ты жжешь), i-s-f-u-eit (я ем) и др. В непереходных глаголах (глаголы состояния) нет элемента объекта, но есть субъект, комплекс имеет вид: Sb+√sm+Tm+Vrb., напр., абхазск. sə-qo-up (я есмь), каб. sə-miš-an (я читаю), ср. i-z-bl-u-eit (я жгу), iz-bl-ə-p (я буду жечь) (Tm-u, e), каб. s-f'ef'-s (я желаю). Иногда нет элемента времени, нет элемента субъекта (переходные глаголы), но есть элемент объекта (классный элемент), так что предикативный комплекс может иметь вид: Ob+√sm+Vrb; наконец, он может сократиться в формах вспомогательного глагола до вида Ob+Vrb, до форм: v-u, d-u, b-u или: v-ara, b-ara, d-ara (чечен.), ср. v-ar, x-ar (груз.) и под. Но с другой стороны предикативный комплекс полисинтетически и инкорпоративно может включить в себя много других элементов: может быть, напр., два Ob.—абх. u-i-s-t-u-eit — тебя ему я даю (u — тебя, i — ему, s — я, √t), элемент множественности (абх. k, ср. в именах — kua), i-z-bəl-k-u-eit — я жгу многие вещи, элемент сообщества (c) абх. i-s-f-u-eit — я ем, но i-u-cə-s-f-u-eit—я ем вместе с тобой. Число таких элементов по отношению к абх. яз. А. М. Дирр определяет в 37 (стр. 45-6). То же и в других языках, особенно картвельских (см. 76, 94 и др.). Не все эти элементы одновременно встречаются, но каждый из них может быть, и в таком виде предикативный комплекс включает в себя признаки видов, залогов, наклонений, вообще все, что в индоевропейских языках выражается видоизменением глагольных форм. При этом может меняться место отдельных элементов, что, однако, уже ведет к переходу к иной системе, агглютинативной и флективной. В таком виде предикативный комплекс объединяет все предложение, играет в нем, по выражению А. М. Дирра, тираническую роль, подчиняя себе все остальное, стоящее вне комплекса: имена, личные местоимения, числительные, прила-

[1] F. N. Fink—Haupt d. Schrachbaus, 130 сл.

гательные. Замечательно, что наличие особого субъекта и объекта, выражаемых особыми личными местоимениями, не исключает повторения элементов субъекта и объекта в предикате. Напр. абх. sarà uarà u-s-guapx-u-eit (я-ты-тебя-я люблю), где наряду с особыми местоимениями субъекта sarà — я и uarà — ты, эти же элементы (u,s) повторены в комплексе. Здесь мы имеем известный плеоназм языка, излишек относительных элементов (особенно если принять во внимание, что — sarà и uarà собственно являются комплексами вспомогательного глагола: я есмь, ты еси), и, вероятно, это обстоятельство повлияло на исключение элементов субъекта в предикативных комплексах отдельных языков. Такой полисинтетический строй сами горцы определяют, как наглядность своего языка, где в основном предикативном комплексе для говорящего на горском языке ясны и наглядны отношения речи.

3. Семантемы.

Центральной частью предикативного комплекса является семантема, условно и приблизительно говоря — корень, состоящий часто из одного звука или слога с вариативным гласным элементом или совсем без него. Такие односложные и однозвучные семантемы встречаются во всех кавказских языках. Таковы, например, семантемы грузин. яз. √z(dz)-спанья, √ket-делания, √hed-видения, √c̆m (едения), √deg, √dek (стояния); удин. языка: √ag-(брания), √ef (держания); рутульск. яз.: √a-g (говорения), √ih (сидения) и мн. другие (см. стр. 39, 76, 95, 194 и др.). В семантеме относительно устойчив только согласный элемент, гласный вариативен, но и согласный элемент варьируется по отдельным языкам. Например, семантема спанья в груз. √z, в рутульск. √sa-f, в хинол. √á-c̆, бацойск. √toh-, табасар. √af (af-oz—я сплю); семантема делания: груз. √ket, рутульск. √h, табас. ap'-uz (я делаю); семантема видения: груз. √hed, удинск. √ак, цахур. √g ∽ j̆ (dz̆), кюрин. √ак, ав. √ih, бац √hac̆; семантема давания: рут. √w, кюринск. √g; семантема движения: рут. √irx, табас. √ic (ср. авар. vit-una — я хожу); семантема любви: рут. √kəg-, аварс. √ок, бац. √ec, груз. √gvar (ср. абхаз. gu-a-px-). При настоящем положении изучения кавказской фонетики трудно сказать, представляют ли эти и подобные семантемы вариации одних основных и исходных образований. Здесь еще не изучены постоянные, как говорят, „закономерные“ отношения звуков, хотя к этому и подходит сейчас лингвистическая наука (см., напр., интересные и многочисленные подробные сопоставления в кн. A. Trombetti—Elementi di Glottologia, Bol. 1923, стр. 103 след., 354 сл.); звуковые отношения кавказских языков нельзя представлять себе по типу индоевропейских вариаций: невозможные переходы звуков в индоевропейских языках могут оказаться возможными в кавказских, так что, например, вариация семантем говоренья: рут. √a-g, цах. √u-h, хинолуч. √lis̆, арч. √p, бац. √al^{0} (al) (ср. грузин. laparaki—разговор и аварск. r-agi слово, где r классный элемент), возможно, есть вариация одного исходного образования. Эта возможность односложных и даже однозвучных семантем замечательная особенность кавказских языков. Здесь иногда даже двухзвучная семантема представляется сложной и разделяется на части инкорпорацией классного или местоименного элемента. Например, от абх. √j̆a-sa (dz̆a-sa) наст. время производится: i-j̆a-s-s'-u-eit (я удивляюсь), где местоименный элемент (s) разделяет семантему на две части (j̆a-s').

То же и в других языках: от цахурск. √к-к умирать глагол. формы — комплексы производятся: к-i-kh-as (инфин.), далее: к-i-w-kh-as и под. от рутульск. √к-i-h (писание) (ср. мингр. √c̆'-r) наст. время будет с классным элементом (r): ki-r-hàrä (я пишу), от √sa-f (спанье) — наст. вр. sà-r-f-ara; в сванск. яз. от li-xd-e (√xd-) -приносить -настоящее время: mi x-v-ide, si x-i-de (я приношу, ты приносишь).

В настоящее время мы почти не имеем по кавказским языкам сравнительных лексикальных изучений и определенно трудно сказать, представляют ли собой подобного рода однозвучные или односложные семантемы изначала односложные или однозвучные образования, или это позднейшая редукция первоначально более полных образований. Это может быть установлено только в результате более или менее подробных широких сравнительных изучений, однако, по нашему мнению, второе предположение вероятнее В именах мы имеем в кавказских языках такое же положение. Если мы возьмем например слово: „дом", то получим в чеченском яз. c'a (cha), в ряде дагестанских языков: xal, xan (табасар. и др.), цахурск xaw, в грузин. saxli (русск. сакля — заимств. халупа). Здесь возможны на первый взгляд два предположения: или то, что груз. saxli представляет более полное и близкое к исходному образование, редуцированное в других языках то в первой (c'a), то во второй (xal, xaw, xan), или, что грузинское saxli представляет результат соединения, „скрещения" двух первоначально различных образований. Однако ахвахск. c̆'ili (дом) говорит как будто за редукцию, да и грузинское saxli объяснимо из √xl и номинативных словопроизводных элементов sa-i (ср. от √c̆m·sa-c̆m-el-i (пища) (см. стр. 87), так что анализируется sa-xl-i; тогда чеченское cha из * xl, ср. груз. cqali—вода. Подобные примеры представляет ряд слов, напр., вода: абх. зə, уд. хе, груз. s-qal-i, цах. han, рут. hed; глаз: абх. bla-, уд. pul, рут. ul, груз. tvali (вероятно из * d-val-i, где d — классн. элемент); огонь: абх. mca, убых. mij̆a (midz̆a), цах. c'a (cha), и др. слова, указывающие общность семантем в кавказских языках. Сами горцы определяют эту особенность своих языков, как „скороговорку", как сокращение при быстром выговоре, как редукцию. Это явление стоит в связи с общим приемом техники кавказских языков в образовании слов путем сложения. Так в абх. из соединения mca (огонь) + √bz (язык) получилось: a-mca-bz — пламя; из gu (сердце) + √px (теплота) — √gv-a-px (любить); из зə (вода) + √deu (большой) — a-zdeu (река); еще сложнее: зə (вода) + √ta (находиться) + √π'a (сидеть) — a-з-ta-π'a (озеро, где вода находится). В грузин. tba (озеро) мы имеем, очевидно, редукцию этого образования. В результате этого явления кавказские языки состоят как бы из обломков, из остатков, а не целых кирпичей, из их частиц, иногда слабо цементированных. Разгадать смысл этих частиц, определить их первоначальное реальное значение и исходный вид можно только путем более или менее широких сравнительных изучений, которые выводят даже за пределы собственно кавказских языков, обнаруживая связи с языками других семейств и систем. Так. например, глаз, смотрение в кавк. языках имеет формы: абх. bla, убых, blä, черк. pt' (видение), авар. ber, удин. pul, табас., агульск., рут., цах. ul, кюрин. wil, арчин. lur, грузин. t-val-i, но и в семитич. языках: сомали il, коптск. bal. Семантемы комплексов имен и глаголов часто одни и те же, только в глаголах они окружены элементами местоименными, в именах — классными: абх √zˢ (питье, ср. зə—вода); i-z-zˢ-u-eit (я пью) и a-r-zˢ-π (напиток); √üə (писание), (ср. уб. √tx, груз. √c̆r, ахвах. √qvar) и a-ûə-uu (пишущий, писатель); √f (едения) — a-fa-π (пища); груз. √c̆m (едение), sa-c̆m-el-i (пища), авар. c̆ed (хлеб).

4. Местоименные и классные элементы.

В составе предикативных комплексов, как и в составе имен, семантемы соединяются с элементами отношения, указывающими в предикативных комплексах: объект и субъект. Объект обычно указывается классными элементами, субъект — местоименными, причем в глаголах в картвельских языках и некоторых дагестанских (табас., удин., цахурск.) преобладают местоименные элементы, в языках чеченских и большинстве дагестанских — классные. Однако по происхождению это не разные элементы, а одни и те же. и то, что мы видим разделенным в ряде языков картвельских с одной стороны (местоименные элементы) и дагестанских с другой (классные) в абхазск. языке является слитным, как след, по нашему мнению, древнейшего состояния. Здесь в настоящее время мы имеем следующие местоименные элементы:

Ед. ч. 1 л.	s, z муж.	Мн. ч.	h, a
2	u — муж.		s‘
	b — жен.		
3 л.	ı — муж.		r
	l — жен.		
	i, a — нераз. общ.		

Здесь местоименные элементы различаются, таким образом, не только по лицам, но и по разрядам или классам, по классам существ разумных, мужских и женских и, так сказать, неразумных,—вещей. Эти местоименные элементы присоединяются непременно и к именам и к глаголам, и мы получаем, одинаковые формы „спряжения“ и имен и глаголов; имеем с одной стороны:

Ед. 1 л. s—arà (я есмь)
2 л. u—arà (ты еси — муж.)
b—arà „ жен.
3 л. j—arà (он есть — муж.)
l—arà (она есть — жен.)
ȷ—arà (оно есть — вещь),

с другой:

s—ab мой отец
u—ab твой „
b—ab ее „
j—ab его „
l—ab ее „
a—ab отец вообще.

Здесь местоименные и классные элементы одни и те же, дальше мы имеем их разделение. В других языках сев.-зап. группы (кабард., черк., убыхск.) нет классных элементов, есть только их следы, нет классных элементов и в картвельских языках, глагольные комплексы здесь образуются местоименными элементами, но классные элементы преобладают в языках чеченских и дагестанских, где в составе глагольных комплексов снижены, наоборот, местоименные элементы. Но не трудно установить, что и те и другие элементы — общие в кавказских языках и что здесь мы имеем следы общей традиции. В частности местоименные элементы имеют вид:

в языках адыгейских:		убых.	каб.	черк. (кях.)
ед. ч.	1	s	s	s
	2	u	u	v
мн. ч.	1	s̆	d	t
	2	s′	f	sw

в языхах картвельск.		груз.	мингр.	лаз.
ед. ч.	1	v-m	ma	mi
	2	x-g	si	si
мн. ч.	1	gv	čki	na
	2	g	tkva	sga

в языках чеч.-ингуш.		чеч.-инг.	бац.
ед. ч.	1	suo	so
	2	huo	ho
мн. ч.	1	txuo-vaj	txo-vaj
	2	šu	su

в языках дагестанских:

	авар.	анд.	кар.	дид.	хварч.
Ед. 1	dun	din-den	den	di	do
2	mun	mın-men	men	mi	mo
Мн. 1	nıt-nıž	it^{o}ıl-ıšil	ıši	eli	ilo
2	nuž	bisil	bišti	mežı	mižo

	хюрк.	табас.	агул.	кюр.	удин.
Ед. 1	nu	izu	zun	zun	zu
2	hu	ıvu	wun	wun	un
Мн. 1	nuša	ihu	nin-čin	čun	jan
2	huša	ic^{s}u	čun	kun	wan

Местоимение 3 лица по общему порядку представляет собой собственно не личное, а указательное местоимение, как и в языках индоевропейских.

При всем разнообразии местоименных элементов, в них мы имеем ясные следы общей традиции, с различием муж. и жен. рода, эксклюзивных и инклюзивных форм (языки: чеченск., аварск., андийск.), форм эргативных и номинативных (примеры у нас по номинативной форме). Эта традиция сказывается в основных согласных элементах личных местоимений: s,z 1 лица, u-v-h-x 2 лица. Далее, личные местоимения множественного числа имеют ясные местоименно-классовые элементы множественности: b (w-u), t, l, r, s-š. Выделяются элементы личных местоимений — m картвельских языков и d — дагестанских языков, но картвельское m встречается в дативных конструкциях и представляет, кажется, распространение отсюда, а дагестанское d и z других языков, вероятно, вариации одного исходного образования.[1] Элемент множественности t (черк., аварск., анд.,) мы имеем и в указательн. местоимении абхазского языка (abart', ubart') и в грузинском (urt').

Такие же и еще более ясные следы общей традиции представляют классные элементы. При полисинтетическом строе языка они имеют существенное значение, так как только ими здесь может быть выражено отношение субъекта и объекта, особенно в случаях нескольких объектов при отсутствии падежных окончаний. Ими выражается в общем то, что мы называем согласованием членов предложения. Формально, в системе языка они имеют значение указательных дополнительных значков мимического языка и проникают все предложение,

[1] Сопоставление личн. местоимений кавказ. яз. с суммерийск., семитическими и др. см. A. Trombetti,—El G. 137, исходной протокавказской формой мест. 1 л. ед. ч. Тромбетти считает d (dz), откуда и d и z (стр 365).

связывая его элементы, префигируясь, субфигируясь и инфигируясь, встречаются в своем полном развитии и в глагольных предикативных комплексах, и в формах имен, и местоимений, и прилагательных, и числительных и наречий. В таком виде мы имеем их в языках с.-вост. группы, особенно дагестанских. По-аварски, напр., говорят: ci v-ugo — человек-мужчина есть (с классн. элемент. v — 1 класса в предикате), но: c'uzu j-igo — женщина есть (с кл. элементом 2 кл. j), hoi b-ugo — собака есть (с кл. элементом 3 кл. вещей). В прилагательных классные элементы стоят и в начале и в конце: v-agar-a-u, j-agar-a-i, b-agar-a-b = приблизительно: голодный, голодная, голодное, если принять 1 кл. за мужской род, 2 кл. за женский, 3 за средний. В местоимениях: do-u, do-i, dob — этот, эта, это; в именах: va-c (брат), jac (сестра) v-as (сын) j-as (дочь). В хиналуг. — cə (брат), rice (сестра) с кл. эл. (r); si (сын), risə (дочь). Будух. dix (сын), riz (дочь). В числительных: цахур. — qöi-r-â adami (2 мужа), но: qo-b-lâ balkân (2 лошади), qo-l-la xaw (2 дома); рутульск. — k'we-r edemi (2 мужа), но k'we-b jac (2 быка), k'we-d xal (два дома). Классные элементы, как видим, могут быть и в начале слов, изменяя их вид, и в конце, и в средине (иккорпоративно цах. qöi-r-â, qö-b-lą), и одновременно и в начале и в конце.

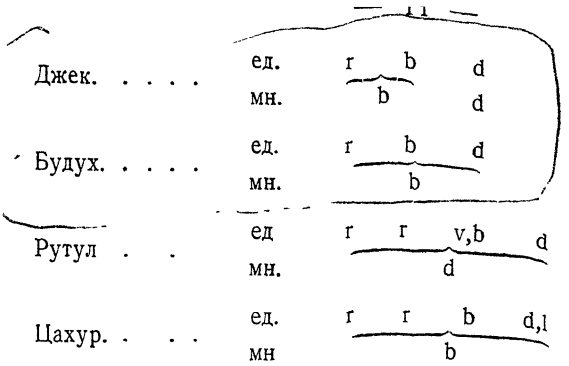
Реальное значение этих членов, классных элементов, трудно определить, но несомненно их различие имеет не биологическое, не логическое, не психологическое и не фонетическое основание, а социологическое. Обычно принимают, что 1 класс (v-b) обозначает разумные мужские существа, есть так сказать класс мужского рода, 2 класс (i-j) — разумные женские, класс женского рода, 3 класс (d-r) и остальные классы — классы вещей, среднего рода и неразумных существ. Но это различие не является точным. Разделение обозначаемого не совпадает ни с различием пола, ни с различием разумности и неразумности, ни с различием способности к воспроизведению рода. Оно несомненно стоит в связи с социальным различием полноправности и неполноправности, ценности или неценности в условиях горского социального быта и производственной деятельности. Напр., в чеченском языке ber — дитя, nuskul — невеста относятся к вещному т. ск. классу (d), как существа социально неполноправные, хотя и одушевленные и разумные; в бацойском яз. к вещному же классу (d) относятся: capar — слуга и bader — дитя; в аварск. яз. — l°imer — дитя также относится к 3 классу (b). В лакск. яз. девушка принадлежит к 3 классу — вещному (b), женщина — ко второму классу (d), девушка говорит о себе na b-ura (я есмь), женщина na d-ura. Распределение по классам названий вещей, животных, растений, пока не поддается объяснению и совсем не изучено и, может быть выяснено, по нашему мнению, в связи с условиями производственной социальной деятельности. Логические классификации, биологические и фонетические признаки, не дают для этого никаких оснований, и непосредственно, напр., нельзя понять, почему в чечен. яз. buorz — волк, vir — осел, gaur — лошадь относятся к классу j; a st'u — бык, jat — корова, k'a — верблюд — к классу b; jeli (dzeli) — собака, zud — сука, luom — лев, — к классу d. В арчин. языке некоторые животные отнесены к 4-му классу (заяц, обезьяна, сорока), вероятно, потому, что не имели никакого значения в экономической жизни.

В настоящее время развитие классных элементов является особенностью сев.-вост. языков чечено-ингуш. и дагестан. групп. Нет классных элементов в черк., убыхск., кабард. языках, в языках картвельской группы (грузин., мингрельск., лакск., сван.), но и в сев.-восточ. языках число классов неодинаково: бацойск. яз. имеет 8 классов, чеченск. и ингушск. — 6, андийск., лакск., рутульск., арчинский, цахур-

ский — 4, аварск.-хюркил. — 3, табасаранский — 2, нет совсем классов в языках: кюринск., удинск., агульск. Однако, на другом конце языковой территории их имеет абхазский язык; имеются следы классных элементов в отдельных глагольных формах и падеж. окончаниях в таких языках, которые классов не имеют, и это говорит за то, что различие классных элементов являлось общей особенностью кавказ. языков, принадлежит к их системе, что оно было ранее общим и потом утратилось или видоизменилось в отдельных языках. За основной и первоначально общий характер классных элементов говорит, самое главное, то, что эти элементы однообразны в кавказ. языках; отдельные элементы в ряде языков устойчивы и в сущности те же, которые мы имеем в составе классово-местоименных элементов абхазского языка: u-b, i-j, d, r, l. Именно они отражаются с достаточной ясностью, напр., в окончаниях множественного числа кавказ. языков, по отдельным языкам: bi, ar, ul, s, dul, lur и т. д.

Приводимая ниже таблица классных элементов по отдельн. дагест. языкам указывает позднейшие их перемещения и перераспределения.

Классы: Языки	Числа	1	2	3	4	5	6	7	8
Чеч.-Инг . . .	ед.	v	j	j	b	d	b		
	мн.	b	b	j	d	d	b		
Бацойск . .	ед.	v	ja			b		d	
	мн.	b	d	j	d	b	j	d	j
Аварск. . . .	ед.	v	ı	b					
	мн.		r,l						
Андийск. . .	ед.	v	ı	b	r				
	мн.			i,b					
Годоберн . . .	ед.	w	i	b					
	мн.		b	r					
Чамал, ахвах .	ед	v	i	b					
	мн.		b	r					
Дидойск. . .	ед.	—	ı	b	r				
	мн.			r					
Хварч.	ед.	w	ı	b	r,l				
	мн.		b	r,l					
Капуч	ед.	—	l	l	b				
	мн.		b	l					
Хюркск. . .	ед.	w-w	d-r	v-v'					
	1-2 л.	d,r							
	мн. 3 л.	-v-v		d-r					
Лакск.	ед	v-u	d-r	b-u	d,r				
	мн.		b,u	d,r					
Арчинск. . .	ед.	w-u-w,	d-r-r,	b-b-b	t'-t				
	мн.		b,u						
Табасар. . . .	ед.	r	d	b (v)					
	мн.		l,r,d						



5. Конструкции предложений.

Существенное значение, далее, имеет в кавказских языках различие смысла выражаемого предикативным комплексом содержания, различие его характера, различие, т. ск., его залога. В то время, как, напр., в индоевропейских языках предложение глагольно, вербально по преимуществу и всякий акт, будь это действие, или восприятие, или состояние, воспринимается и передается, как действие, исходящее от некоторого одушевленного деятеля, вследствие чего весь язык становится метафоричным, и всякое подлежащее в нем представляется как живой и действующий субъект (см. рус.: дождь идет, поезд идет, стон стоит), в кавказ. языках дело представляется иначе и содержание предиката передается более точно без метафорического одушевления. Здесь предикативный комплекс может выражать: а) состояние субъекта (я есть), б) его непроизвольное восприятие (мне видно, слышно), в) его произвольное действие (мною делается). В зависимости от этого мы получаем 3 разных конструкции предложения: а) конструкцию состояния, номинативную, с субъектом в именит. падеже, б) конструкцию аффективную или дативную с субъектом в дат. пад. и в) конструкцию действия, активную, с субъектом в активном или эргативном падеже. Тип первой—„я есть“, второй—„мне видно,—слышно“, третьей—„мною делается“. Г. Шухардт и другие исследователи, отмечая это обстоятельство, указывали на пассивный характер кавказского глагола и в связи с этим различали две конструкции: а) конструкции активные, конструкции действия с одной стороны, переходные конструкции, и б) конструкции непереходные, пассивные (состояния и восприятия). А. М. Дирр в своей работе занимает некоторую среднюю позицию: признавая также различие активных и пассивных конструкций, он в то же время указывает, что это различие только двух типов конструкций, активных и пассивных, переходных и непереходных, объективных и субъективных, недостаточно для всего разнообразия случаев (стр. 63 сл.).

Если мы возьмем, напр., фразу: „охотник убивает оленя“ (или „убил оленя“), то в разных языках будем иметь разные способы выражения отношения в ней субъекта и объекта. Это отношение может быть указано: 1) порядком постановки, приблизительно „охотник убив(ает) олень“, с субъектом на 1 месте, объектом на втором или на последнем, 2) местоименными указателями, приблизительно: „охотник он—его убив(ает) олень“, где первое местоимение в глаголе должно указывать субъект, второе—объект, 3) различием падежных форм субъекта и объекта, как в русском: „Охотник (им. п) убивает оленя“ (вин. п.) или „охотником (твор. п. или эргативн. пад.) убив(ается) олень“, 4) путем классных элементов, особых указателей, приблизительно: „Охотник || убив(ает)+олень“ где || классные элементы субъекта+кл. элемент объекта, или „Охотник+убива(ет)+олень“. Изучая этого рода конструкции, Г. Шухардт определил

конструкции типа „Охотник убивает оленя", как активные, а типа: „охотником (эргатив) убивается олень", как пассивные [1], но это не адэкватная передача кавказских предложений, а перевод их на наши языки, и перевод приблизительный. Конструкции типа: „охотником (эргатив.) убивается олень", с активным или эргативным падежом субъекта, в кавк. язык. не менее активны и глагол не имеет здесь пассивной формы. Грузинская, напр., фраза monadire-m (эрг. п.— охотником) ireml (олень — им. п.), mohkla (он убивает — 3 л ед. ч.) только приблизительно может быть переведена нашим пассивным оборотом: „охотником убивается олень", на самом деле кавказский эргатив не тождественен нашему творит. падежу, как падеж внутренний, не внешний, а глагол не имеет пассивной формы. Пассивные конструкции есть и в кавказских языках, и они особые, выражаются приблизительно, как и у нас, творительным падежом субъекта или родит. с предлогом (собст. послелогом). Напр. кабард. ps'ət⁰-em-ke gubho-r je-vve значит буквально: „Крестьянином (твор. пад. на — ke) пашется нива; грузин. mamisagan ı-c'ereba c'erili — от отца (отцом) пишется (написано) письмо (Лопатинский, Каб.-гр. сб. М. XII, 27; Fink, Haupt, 134). Тогда как в том же грузин., напр., языке мы имеем иные конструкции той же фразы: а) mama (отец) c'er-s (пишет) c'erıl-sa (письмо—дат.-вин.-пад) — номинативная конструкция состояния, т. ск „отец находится в состоянии писания письма", б) mama-s ı-c'eri-a c'erıli „отцу (дат. п.) написано письмо", но субъект писания здесь — отец, и мы имеем конструкцию восприятия, дативную, которую ближе можно разве передать древне-русским оборотом: „отцу написавшему письмо", в) mama m da-c'era c'erıli конструкция действия, где субъект mama-m (отец) стоит в эргативе: „отцом написано письмо", но совершенно точно на русский язык непереводимо, ибо у нас нет эргативного падежа и вообще таких конструкций. Поэтому по отношению к кавказ. языкам необходимо говорить не о различии только двух типов конструкций, переходных и непереходных, активных и пассивных, но о различии указанных нами трех.

Однако, указанное различие конструкций не могло быть однообразно и устойчиво. Понятия состояния, восприятия, действия не могли быть тождественны во всех случаях, у всех народов и племен. Один и тот же акт мог быть в одном случае или у одного племени понят, как состояние, у другого, как действие, у третьего, как восприятие. Как, напр., классифицировать по этим типам понятие „я люблю", „я знаю",—как состояние или как восприятие? В абх. языке понятие «я люблю» воспринимается, повидимому, как состояние: sarà i-s-guap'x-u-eit, где мы имеем «переходную» даже конструкцию, с указанием объекта в предикате (i), в грузинском языке ясно здесь конструкция восприятия, дативная: mi-quars, букв «мне это любится, — нравится». Поэтому здесь мы не можем ожидать в кавказ. языках выдержанного и однообразного порядка. Не всегда различаются три конструкции, по отдельным языкам одно и то же выражение передается то номинативно, то аффективно, то эргативно; конструкции эти различаются, затем, по лицам и временам. В ряде языков в случаях 1 и 2 лица субъекта всегда — номинативные конструкции; в 3 лице — дативные или эргативные, далее в ряде времен—активные, в ряде других — номинативные и т. д., но различие этих конструкций принадлежит к существенным особенностям системы и отражается в системе склонений и спряжений.

По отдельным языкам в выражениях этих конструкций мы имеем следующие случаи. В абхазском языке конструкции состояния (номи-

---

[1] H. Schuchardt,—Über den aktiv. und passiv. Charakter des Transitivs (Ind. Forsch. XVIII); ср. F. N. Fink—Der angeblich passiv. Character d. Trans v. (Zeitschr. fur Vergl. Sprachf. XLI), H. Schuchardt—Uber den pass. Char. d Trans. in den kauk. Sprachen, Wien 1895.

нативные) имеют вид: sə-qo-up (я есмь), s-t^{c}o-up (я нахожусь), но конструкции действия: i-z-bl-u-eit (я жгу); в кабард. языке ср. sə.s-f'ef'-s (я желаю — дативн. констр.) и so t^{c}ahu (я вижу — номинативная конструкция); в грузинском яз. v-a-k^{c}-eb (я хвалю — номин.), но mi-qvar-s (мне любится — дативная), ср. wi-qvar-eb (я люблю). Сопоставление Vrb. окончания — ub, лакск. u-ph, табасар. u-b, груз. eb и друг. с халдским Wrb. окончанием (A. Trombetti El. Glot., 106). Различие этих конструкций в грузин. яз. А. М. Дирр отмечает, как труднейшую главу учения о грузинском глаголе (80 стр.). Здесь они различаются по лицам и по временам с разными контаминационными образованиями. Напр., в имперфективной основе мы имеем здесь номинативную конструкцию, причастную, в основе перфективной — эргативную, глагольную; наст. время vc'er (я пишу), имперфект — v-c'er-di; ист. перфект v-c'er-e буд. da-v-c'er, наст. условное v-c'er-de, желательное v-c'er-o, повелит. v-c'er-e, но в перфективной основе: перф. mi-c'er-i-a, давнопрош. me-c'er-a, прош. условное me-c'er-na (см. парадигму, стр. 81). Так в конструкции состояния. В аффективных конструкциях, когда наст. время дативно: mi-qvar-s (я люблю), перфект, наоборот, номинативен: vi-qvar-e. Подобное в табасаранском языке в дативных конструкциях, где в буд., аористе и условном наклонении субъект не в дативном п., а в эргативе (298 стр.). А. М. Дирр формулирует эти отношения таким образом: «грамматический субъект переходных глаголов стоит то в им. падеже, то в эргативе, грамм. объект то в дат.-вин., то в именительном. В настоящем времени и от него образованных формах — субъект в им. падеже, объект — в дат.-вин. падеже, в других временах субъект в эргативе, объект в им. п.» (85 стр.). Но это касается только переходных предикатов, предикатов действия; предикаты непереходные (состояния и восприятия) имеют конструкцию дативную и номинативную. Различие этих конструкций мы имеем далее в мингр. языке, напр. v-orc'dek' (я вижу), в-ragadan-к (я говорю) — номин. конструкт. состояния, но — m-natrulen-к (я желаю) — дативн. восприятия; в параллель груз. mi-qvar-s в мингрельск. мы имеем m-c'an-s (мне верится). Как в грузинском, здесь мы имеем различие местоименных элементов субъекта: v, x с одной стороны в констр. состоянии, и m-g с другой в конструкциях восприятия. [1] Формы I основы (наст. вр.) имеют номинативную констр. состояния, формы 2. аористной основы (имперфективной) — эргативную действия, формы 3 перфективной основы — дативную восприятия (см. стр. 102—3). В яз. чеченской группы в составе глагольного комплекса нет личных местоимений, и потому различие конструкций выражается в отношениях падежа объекта, классных элементов и форм глагола. Конструкцию состояния (номинатив.) мы имеем здесь в форме, напр.: suo jaz-d-ieš v-u jajna = я пишущий есмь книгу (им. п.); конструкцию эргативную действия — as (эргат.) jaz-d-ieš d-u jajna = приблизительно „мною пишемая она-есть-книга". В первом случае грамматич. подлежащее suo - я и предикат — вспомогательный глагол: v-u имеет кл. элемент этого подлежащего, во втором — jajna — книга и вспомог. глагол в форме: d-u кл. элемент (d) имеет — книги, — другого подлежащего. В бацойск. языке мы имеем эти конструкции в форме:

а) Констр. сост.: so (им.) v-a, ho v-a, o-va (я есть, ты еси)...

б) Констр. воспр.: so (дат.) gu, ho gu, oku gu (мне видно, тебе...) или so v-ec', ho v-ec', aku v-ec' (мне, тебе нравится).

в) Констр. действия: as (эрг.) j-ag, ah j-ag (я ем, ты ешь...) (156 стр.)

---

[1] Аналогичные образования в др. яз. (американ., ср.-азиатских), — Trombetti, El. Gl. 283 ст.

В Аварском языке:

а) Констр. состоян. (номинативн.): dun vàxuna (j-àxuna, r-axuna) = я (жен. вещ.) вхожу.

б) Конструк. воспр. (датив.): diie v-ок°ula (-j-ок°ula...) мне (мужчине, женщине) нравится, я люблю, или: dida (местн. п.) v-ihula, dıda rahana (мне видно, мне слышно).

в) Констр. действия (эргатив.): dica razi ha v-ùla (ha-i-ùla) = я (мною) делаю довольным (165 стр.).

В последнем случае оборот мог бы быть, по нашему мнению, и аффективным (довольный, довольствоваться, ведь, — не действие, а состояние или восприятие), но очевидно понимание аварцев иное, так же, как и в выражениях типа «мне видно». У нас здесь дательный пад. аффекта, у аварцев местный падеж, т. е. видимое и слышимое представляется не усваивающимся субъекту, а как бы падающим на него со вне; местный падеж здесь собственно суперессив. покоя. Такая передача конкретнее, чем в европейских языках. Здесь грамматические обороты обнаруживают глубокое различие строя восприятий и представлений. Подобные случаи представляют и другие языки, напр. хюркилинск., где эргативная конструкция имеет вид: «nuni (эрг.) c'ami (им. мн. от c'a — огонь) a-d-ılqulla (мною, — от меня огни зажжены), но может иметь и трудно переводимую форму: nu (им.) c'ama (эрг.) elqulla (А. М. Дирр переводит: я чрез огонь зажигаю — стр. 231). В дагестанских яз., как в картвельских, мы имеем характерное отличие конструкций 3 лица (хюрк.-лакск.). Субъект 3-го лица как бы не равноправен 1 и 2 (ср. особые формы местоимений 3 лица); логическое внимание переносится с него на его деятельность, объект здесь в им. падеже, субъект в эргативе (в лакском яз. в родит. — эргативном, стр. 245). Классные элементы в «непереходных» конструкциях указывают субъект, в «переходных» — на объект; аффективные конструкции — как обычно: лак. t'un (д. п.—мне) ina (имен. пад.—ты) c̆ra (люб) = ты мне нравишься. В табасаранском, подобно картвельским языкам, также мы имеем особые личные местоименные элементы предиката при аффект. конструкциях (неаффект. za, va, аффект. — ez, vuz); izu ildik'udu-za (я падаю), но izuz rek'ùd-ez (мне слышно), (стр. 274), тоже в языке удинском (338 стр.). Это также указывает известную общность системы, и различие этих конструкций необходимо должно быть принято во внимание при изучении строя кавказского спряжения.

Несколько примеров, показывающих своеобразие понимания разных актов: цах.: dak'e (эрг. отцом, от отца, через отца) əxəda (ударено) zas (д. п. — мне) t'at'ak'ua (палкой) = отец ударил меня палкой, — эргативная конструкция; dak'ık'lä (дат.-аффективный) γez̆ides̆od = отцу не видно = отец слеп, — аффективная конструкция (320 стр.); dak'ik'lä γu ac'ades = отцу ты не знаком, отец тебя не знает; удин. — nac'urəra (эрг.— рекой, посредством реки) hànidə xalbratxədi — (рекой разрушило дом). Различие этих конструкций, как и многое другое, бросает неожиданный свет и на другие языки. Напр., и русскому языку как будто не чуждо это различие. Мы имеем здесь параллельные выражения: с одной стороны обычные, номинативные, конструкции состояния: «я вижу», «я слышу», «я люблю», с другой дативные конструкции аффекта, как говорят «безличные»: «мне видно», «мне слышно», «мне любится» (ср. груз. migvars мне любится), но: vi-qvar-ев (я люблю); с одной стороны имеем конструкции состояния, обычные: «буря разбила», «вода унесла», с другой — как бы эргативные, действия: «бурей разбило» «водой унесло». Интересно, что в старом языке иногда возникали механические контаминации между этими конструкциями: «загорелось свеча в церкви», «ухватило меня некая

сила» (вместо «некоей силой»), но общая тенденция индоевропейской речи нивеллирует это различие под однообразную форму действия, создавая своего рода грамматическую фикцию одушевленного (формально) субъекта и предиката — его деятельности, хотя в известных случаях он по существу выражает не деятельность, а состояние или восприятие (болею, умираю, слышу, вижу и т д.).

6. Склонение и падежи.

Инкорпоративный полисинтетический строй, собственно говоря, не требовал бы ни падежных, ни личных окончаний, так как все отношения субъекта, объекта и предиката здесь могут быть даны в полисинтетическом составе предикативного комплекса, и мы, действительно, в ряде кавказских языков совсем почти не имеем ни личных окончаний в глаголах, ни падежных форм в именах, да и имеющиеся в иных языках падежные формы не совпадают с европейскими ни по своему реальному значению, ни по своему значению формальному, т. е. по своей функции в предложении. Однако известные падежные формы требовались именно указанным различием трех конструкций предложения, различием смысла предикативных комплексов в выражении субъекта прежде всего. В выражениях состояния, как мы указали уже, мы имеем субъект в именительном падеже (номинативная конструкция), в выражениях восприятия (аффективных) — в дательном, собственно аффективном падеже не тождественном вполне дательному (аффективная конструкция), в выражениях действия — в активном или эргативном (инструктивном) падеже (эргативная конструкция). Этим самым определяется различие трех основных падежей: имен., аффективн. и эргативн. Это — падежи «внутренней детерминации», внутренние или грамматические падежи, которые А. М. Дирр называет падежами абстрактного значения. Они требуются строем предложения, его внутренними условиями, необходимостью выражения различия его членов и отношений. Сюда относятся в других языках еще падежи: родительный — падеж определения, аттрибута и винительный падеж — падеж прямого объекта. Эти падежи необходимо отличать от внешних падежей, падежей «внешней детерминации», падежей не грамматического формального, а реального значения, указывающих внешние отношения объектов к говорящему. Сюда относятся падежи: дательный, — падеж второго объекта, принадлежности, творительные падежи разного рода (творительный инструментальный—орудия, творит. сообщества, комитативный — твор. сосуществования, кооперативный), падежи сравнения и подобия (экативы), наконец, разного рода местные падежи (локативы), в частности: падежи положения (эссивы), как: инэссивный (положения внутри — в чем?), адэссивный (положения у — чего-л., при чем-либо), суперэссивный (положения над чем-нибудь), субэссивный (под чем-нибудь); падежи направления (лятивные), как иллятив (движения внутрь чего-либо), элятивный (от чего-либо), алляативный (направления к чему-либо), суперлятив — (движение над чем-нибудь, выше чего-либо), сублятив (—подо что-нибудь); терминативы (движения до чего-нибудь), директивы (для чего-нибудь) и др. Таких падежей иногда в кавказских языках очень много, до 2—3 десятков (лакск. яз.), но они представляют собой агглютинативное соединение именной, а часто и глагольной основы с местными и наречными частицами, послелогами (у нас предлогами), которые часто в том же или более или менее измененном и редуцированном виде встречаются и в глагольных формах, вследствие чего некоторые глагольные формы (отглагольные имена (nomina actionis), прилагательные (причастия), наречия (деепричастия, инфинитивы) и именные формы совпадают.

Внутренние падежи в кавказ. языках определяются значением предикативного комплекса.[1] Мы имеем здесь именительный падеж — падеж субъекта в конструкциях состояния, аффективный падеж — п. субъекта в конструкциях восприятия, эргативный падеж — п. субъекта в конструкциях действия, родительный падеж — п. определения, аттрибута. Винительного падежа нет. Есть особая форма винит. падежа в удинском языке, но возникшая, вероятно, под влиянием некавказских языков (стр. 68),— строем полисинтетическим он не требовался. Известная неустойчивость трех указанных конструкций предиката, контаминация с внешними падежами, наконец, более точное осмысление выражений, объясняет разные вариации внутренних падежей. Напр. эргативный падеж по смыслу может быть близким и к дательному падежу, и к творительному, и к родительному (ср. выражения: „от меня сделано", мною сделано", "мне пришедшему"— когда я пришел), близки по смыслу падежи: дат. и аффективный (ср. мне и для меня...). Вследствие этого в разных языках мы имеем разные вариации падежных окончаний, где отдельные падежи, внутренние и внешние, то сближаются между собой, то различаются. Род. и дат. п. часто варьируют одно окончание (груз.— is-sa, чеч. in-na, дагестан.,— l°i-la; ср. род. п. na-s в дидойск. и других), те же окончания по отдельным языкам имеем в эргативе; далее сближаются дательный и эргатив, эргатив и творительный, или родительный заменяет эргатив (лакский яз.), то сливаются дат. и аффектив, то различаются между собой. Если, напр, в русском языке мы почти не чувствуем семазиологического различия дат. падежа в выражениях: „мне видно" (дат. аффективный) и „мне даны деньги" (дат. принадлежности), то в ряде кавказских языков здесь разные падежи. Так, в андийском яз. различается дат. объективн. (na-j) и дат. аффективн. (na-o) (254). Дательный принимает функции винительного (груз. язык); сливаются эрг. и творит., то различаются, встречаются по два дат. падежа (аффективный и принадлежности), по два родительных падежа (отложительный и аттрибутивный) и т. д. Но сквозь все эти вариации проглядывает общность системы, давшей почву для всех этих вариаций и различных соотношений внутренних и внешних падежей, падежей формально-грамматического с одной стороны, и падежей реального конкретного значения—с другой. Изучение этих вариаций показывает прежде всего различие внутренних и внешних падежей при возможности их сближения, и далее основное, определяющее значение падежа назывного, именительного с одной стороны и эргатива—с другой, с различием основ: номинативной и эргативной. Они различаются часто вариацией гласных звуков и это кажется основное положение, вставкой соединительных согласных (арчин., рутульск. и др.), редукцией им. падежа по сравнению с эргативом, при чем различие иногда доходит до полной неузнаваемости. Например, аварск. им. п. emen — отец, эргатив — insuca (вероятно из* im-a: им. * im-en, эрг. * im-s), с наращением эргативных окончаний + с (ср. анд. im-a — отец, годобери: im-a); в чеченском местоим. I лица ед. ч. suo (я) — эрг. as, 2 лица: им. huo — эр. ah, 3 лица — им. iz — эрг. cuo. В отдельных языках им. и эрг. лежат в основе производства форм других падежей. Так, в аварск. от имен. п. производятся падежи: сообщества (комитатив), сравнения; от эргатива, оканчивающегося в разных склонениях на — s, t°, ca), образуются падежи: дат. (+ e, je), родительный (+ ul), тоже в кюринском яз. и других дагестанских (286 стр.).

Помимо общности системы, в кавказском склонении мы имеем и следы общности традиции в переходах по падежным и глагольным

[1] Аналогичные системы в других языках: баскском, индокитайских, папуасских, др-азиатских, см. Тромбетти, El. Gl., 264.

формам однородных окончаний. Напр. падежный признак: кᶜ в абхазском языке мы встречаем в имен. падеже в известных случаях, как знак подлежащего (в кабард.-г. в подобных случаях),[1] и это окончание ясно происходит от числит.: кə — один. Его же мы имеем потом в мингрельск. яз. в окончании единств. числа наст. времени глаголов (множ t°), далее в цахурских глаголах, как признак единствен. числа. Например √к-к — умирание, когда говорится об одном умирающем или умершем (инф. ki||kas) и √h — t' (инф. hal||tas) — когда говорится о многих (ср. арч. √к — об одном, инфин. kwis и √х — о многих, стр. 347). В кабардин имеем окончание — ке в творит. падеже, присоединяемое к эргативн. окончанию — m (-mk'ə); окон — кᶜ имеем потом в мингрельском эргативе (ср. груз. — m). Это окончание иного происхождения. Л. Г. Лопатинский производил его от сущ. ke — хвост (потом — орудие) (Сб. М. XII, 40), но может быть полный вид этого редуцированного образования выясняется из мингрельской приставки падежа сообщества: — c'kala,— c'kela — c'kma, мингр. koči — c'kala — с человеком, dida-c'kema — с матерью, ср. приставку сообщества в хинолугском — kıla (300 стр.). Известную устойчивость представляет в ряде языков окончание дат. — род. п. — s (грузин., дагестан.), окончание тех же падежей — n (чечен., ингуш., арч., табас, кюрин.), окончание эргатива: m,-s-d,-c и нек. другие (см. указатель к работе А. М. Дирра, 364 след.). Окончания неграмматических падежей особенно разнообразны, но и здесь при более внимательном сравнительном изучении в отдельных языках могут быть уловлены общие элементы. Позднейший и вторичный характер этих падежей выясняется из того, что они производятся часто от падежей внутренних (имен., эргатива), отделяются суффиксами множ. числа и соединительными суффиксами, и из того, что в отдельных языках мы встречаем часто механическое как бы нарощение падежных окончаний внешных падежей на окончания внутренних. Так, в груз. яз. наречные частицы внешних падеж. присоединяются к формам внутренних падежей: груз. твор. — комит. mama-tᶜan получилось из mamas-tᶜan (род. п. + суф.), то же: saxli-sa-gan (из дома —Ablat). В старом языке встречаются примеры нарощения: kᶜala kᶜ-sa samaritel-tᶜa-sa — в город самарян (samaritel-tᵃ-sa род. + дат. падеж), kliteni sasup'eveli-sa sat'a-sa-ni (ключи царства небесного), где в форме: sa-t'a-sa-ni мы имеем основу: sa — небо + t'a — род мн + sa — вин. ед. + ni — мн. ч. Но и внутренние падежи едва ли первичны и изначальны. Инкорпоративный строй не требовал падежных окончаний, а потому даже при наличии падежных окончаний мы имеем в предикативном комплексе классные элементы и получаем в сущности двойное обозначение отношений: путем падежных окончаний и путем классных элементов. Ср. например: чеченск. marana j-iēza st'iē — мужу любимая жена и: st'iēcuna v-iēza màr = жене любимый муж. Здесь классные элементы в составе предиката: — j жен. рода в первом случае и v — муж. рода во втором ясно указывают, к чему предикат относится, т. е. где здесь субъект и где объект, тогда как помимо этого стоят еще формы дат. падежей: marana, st'iēcuna. То же в аварском, где эти фразы имеют вид: rosa-se j-okᵒale-i č'uzu (мужу любимая жена) и č'uzu-ja-tᵒe v-okᵒule-u-ros (жене любимый муж). Здесь в предикате мы имеем классные элементы субъектов и в начале и в конце, но вместе и формы дат. падежа: rosa-se и č'uzu-ja-tᵒe (из эргатива: rosa-s и č'uzu-ja-tᵒ). Возможно, что разнообразие падежных окончаний в кавказск. языках именно и объясняется тем, что полисинтетический строй не давал здесь

[1] Ср. баскск. яз. gizon-a-k — к. человек (с суфф. ед. ч — к); gizon баск., ср. груз. человек - kac, мингр. koči, каб. - сэхи, абх. - хаса, Tromb 264, 355.

устойчивых традиций, ибо по существу не требовал падежей; они требовались только смыслом предиката, а не строением фразы.

В отношении развития падежных форм в кавказ. языках мы имеем неодинаковое положение. Наиболее развито склонение в языках сев.-вост. (чеченских и дагестанских, авар., андийск., лакск.); меньшее развитие мы имеем в языках картвельской группы и почти полное отсутствие падежей в языках абхазско-адыгейской группы. В абхаз. яз. собственно нет падежей и все отношения выражаются местоименно-классными элементами. Имен. п. субъекта отмечается притяжательными местоимениями (они же и личные и классовые) Напр. γbla — глаз, видение, в форме им. п. может иметь вид: a-bla (глаз вообще) или bla-kə,-se-bla (мой глаз), u-bla (твой). В кабард. яз. субъект предложения отмечается определительным классным элементом — r: ps'et°e-r ma-vve (крестьянин пашет—номинативная конструкция), но ps'ət°e-m s'e-r je-vve (крестьянином пашется нива — эргативная конструкция); в первом случае грам. подлежащее—крестьянин, во втором—нива, земля; в предикате в первом случае притяжательный префикс крестьянина-ma, во втором земли-je. В языках: кабардинском, убыхском, черкесском мы имеем общий, как его называет А. М. Дирр, падеж, на-m (убых-n), имеющий функции и нашего род., и нашего дат., а в известных случаях и нашего винит., и предложного и местного. От него наращением-ke образуется внешний творит. п. (-mkə). Позднейшее его образование выясняется из того, что окончание его не одинаково в языках группы (абх.-la; убых.-onə) и из того, что при наличии этого падежа остается в предложении основной полисинтетический способ обозначения отношений путем местоименных элементов: γe > i, ji (убых. si-jil°an γə säki) — мой брат, его зуб = зуб моего брата, (jil°a-n общ. падеж); кабард.—hade-m ji-sə — отец (общ. п.), его лошадь-лошадь моего отца, ср. абхаз.— sará s-ab a-ce i-s-t°-u-eit = я-мой-отец-лошадь ее-я-даю,—я даю моему отцу лошадь.

Языки абх.-адыгейской группы представляют в отношении падежных форм, как и во многих других отношениях, более древнее состояние, и, изучая здесь формы склонения, А. М. Дирр останавливается пред ними как бы в некотором недоумении. Приводя примеры (стр. 75) из убыхского яз. и кабардинского, где „общий падеж", по его определению, стоит на месте наших дат., отложит., сравнит., местного, А. М. Дирр говорит: „Проблема стоит чрезвычайно запутанно, и я не в состоянии ее разрешить. Вместо пассивной конструкции следует говорить о конструкциях: эргативной, дативной, номинативной". Это верно и это-то и разъясняет дело. Следует, действительно, различать не две конструкции, а три, и тогда становится ясным, что „общий падеж" каб.-черк. языка на—m-n есть не общий падеж, а эргатив, противопоставляющийся номинативу (на-r). Что это именно эргатив, ясно указывает то обстоятельство, что он употребляется только в случаях субъекта в 3 лице. Говорят: hade-m hane-r je-s = им. (эрг.) строится дом, но se hune-r s-os = я строю дом, т. е. в 1 и 2 л. субъекта нет эргатива, как и в конструкциях некоторых других кавказ. языков, где эргативная конструкция встречается только в 3 лице субъекта. Определенный эргативный характер этого падежа в убыхском яз. отмечает и сам А. М. Дирр (75 стр.). Таким образом, в языках абх.-адыгейских мы имеем 2 основных внутренних падежа: имен. с признаком —r и эргатив с признаком — m/n и еще один внешний творительный пад., производный от эргатива на — mke. Остальное выражается местными наречными частицами, напр. лишение (caitiv.): абх.— da, убых.— cə, каб.— sə, черк.— je, абх.— ca-da (без хлеба), убых.— paga-cə (без денег), каб.—hade-m-sə (без отца), черк. tha-in-je (без бога) и др.

В языках абх.-адыгейск. группы мы имеем т. обр. слабо дифференцированное состояние. В абх. языке падежей совсем нет, адыгейск. языки различают два падежа внутренних и один внешний, но в других языках падежные формы более дифференцированы, и из эргатива при дальнейшей дифференциации могли получиться с разными вариациями значения и формы родит., и дат., и творит., и местн. падежей. Характерные эргативные окончания: s, m, d, n по отдельным языкам мы имеем и в родит., и в дат. падежах, и в творит. падежах. Характерно, напр., что в аварск. яз. аффективная конструкция вместо дат. падежа субъекта выражается местным падежом: dida v-ihula co c̆i = приблизительно: на меня (dida-суперэссив покоя) видим человек-мне видно человека, dida razena dob = мне, на меня,— слышно это. Здесь, как и во многих других случаях, мы имеем пример известного, так сказать, уточнения общего значения аффективного падежа, понимаемого здесь местно, локально. Именно этого рода дифференциация значения из первоначальных общих и недифференцированных значений, дальнейшее уточнение обозначения отношений и создавало все вариации кавказского склонения. Пример такой дифференциации мы имеем хотя бы, с одной стороны, в андийском яз., где различается дат. объективный (на-j) и дат. аффективный (на-o), но где слиты: эргатив и творит.-инструментальный (—di), как и в некоторых других дагестанских языках; с другой стороны в арчинском яз. (см. стр. 254 и др.) различаются два дат. падежа, но различаются и эргатив с одной стороны и творит. инструментальный и комитативный (сообщества)—с другой (на-t°u, tu).

Внешние падежные формы выражают вообще объективные отношения, в частности отношения местные, временные и обстоятельственные. В этом сближаются именные и глагольные формы, и потому по отдельным кавказским языкам мы имеем связь форм, например, творит. инструментального, именного наречия и отглагольного наречия. А так как тв. инстр. и эргатив во многих случаях совпадают, то мы получаем то связь, то различие форм эргатива, тв. инстр., именного наречия и вербального наречия (деепричастия). Многочисленные примеры этого приводит А. М. Дирр (стр. 357 сл.). Напр. в кюрин. яз. тв. инстр.— di, ni, ra, им. нареч.— z, верб. нареч.— z; в чеченском языке эрг.— u̯o, тв.— ci, вербал. нареч. u̯s, в бацайск.— тв. w, s, имен. нареч.— s̆, вербал. нареч.— s̆. В таком случае местные падежи оказываются как бы двойного происхождения, обнаруживая связь с именными наречиями и отглагольными именными образованиями (стр. 343 — 4). Особенно показательно в этом отношении комитативное окончание табасар. и агульск. языков: табасар.— hri,-kri.-fri, агульск.— kari, xari. Оно состоит из местных элементов: к, f и деепричастия от √a вспомогательного глагола: быть — ari, так что, напр., агульск.— bawa-kari, bawa-fari = с матерью собственно значит: „при матери будучи“.

7. Спряжение.

На ряду с т. ск. залоговым различием предикатов в кавказ. языках мы имеем соотносительное с нами различие глаголов и глагольных форм по абсолютному времени, говоря по нашему — по виду. Глагол обозначает действие по своему основному значению, а действие необходимо связано с временем. Именно отношение к времени и превращает всякое понятие в глагол. Поэтому, на ряду с различием характера содержания, мы имеем здесь различие в отношении к времени, или виду,— к абсолютному времени, свойственному самому действию, а не относительному времени (прош., наст., буд.), разли-

чаемому с точки зрения говорящего, субъекта. В этом отношении различаются главным образом два порядка отношений: а) отношения незаконченного действия (имперфективные) и б) отношения оконченного действия (перфективные). Это — основное и древнейшее различие, лежащее в основе системы спряжения. На него наслаивается различие по относительному времени, т.-е. по времени с точки зрения говорящего, различие относительных времен: настоящего, прошедшего, будущего. Далее на это наслаиваются различия по субъективным условиям говорящего, по наклонению (условность, желательность), и по отношению к слушающему (повелительность, просьба, приказ). Из всего этого составляется та или иная система спряжения. В основе всего этого лежит различие формы по абсолютному времени, отражающееся в основах глагольных форм. В кавказ. языках, схематически говоря, мы имеем в разных вариациях 3 основы относительных времен и форм: а) основу т. ск. безразличную к абсолютному времени, конкретно — основу повелительную, повелительного наклонения по образуемой от нее главной форме, б) основу форм неоконченного действия (состояния, восприятия), основу и имперфективную и в) основу форм оконченного действия, перфективную. Каждая из них лежит в корне относительных времен, наклонений, номинативных и объективных (причастных) и инфинитивных и номинативно-вербальных образований. Характерно, что отличительными признаками этих основ в кавказ. языках являются часто гласные основные: a-i-u в окончаниях или соединительных элементах.[1]

Наиболее ясный вид имеет это различие в языках чеченской группы. Здесь мы имеем в системе спряжения т. ск. а—формы, формы повелительной, безразличной к абсолютному времени основы, u—формы имперфективной основы и i—формы основы перфективной. Характерно при этом, что эти гласные приметы регрессивно влияют на огласовку корня, заставляя ее приближаться по направлению к себе, ассимилироваться себе. В целях наглядности приведем всю парадигму чеченского спряжения глаголов: liĭc-ar (купать, мыть), bax-ar (говорить, ср. рус. баять, бахарь), buz-ar (наполнять).

I основа или разряд форм, а — основа, основа по отношению к абсолютному времени форм безразличных, т. е. ни оконченных, ни неоконченных. Здесь мы имеем такие формы:

Повел — a	liĭc-a	bax-a	buz-a
Услов.— ah	liĭc-ah	bax-ah	buz-ah
Желат.— ahara	liĭc-ahara	bax-ahara	buz-ahara
Инфин.— ar	liĭc-ar	bax-ar	buz-ar

II основа или разряд форм, u = основа,— основа имперфективных форм, форм неоконченного действия (состояния, восприятия). Она требует регрессивно-ассимилятивного изменения гласных корня в направлении к гласному: u, т. е. а > о, uo > u, вследствие чего корень — bax — изменяется в — box. Формы этой основы:

Настр. вр.— u	liĭc-u	box-u	buz-u
Повел. 3 л.— ula	liĭc-ula	box-ula	buz-ula
Прич. наст.— u, urig	liĭc-u,— urig	box-u — urig	buz-u
Сослаг.— uila	liĭc-uila	box-uila	buz-uila

[1] Об основном характере гласных a-i-u в кавказ. яз. и о вторичном образовании других. Tromb E. G 354.

Буд. неокон.— ur	lic-ur	box-ur	buz-ur
Дееприч.— us	lic-us	box-us	buz-us
Герунд.— ucuh	lic-ucuh	box-ucuh	buz-ucuh

III, i— основа,— основа форм оконченных актов (действия, состояния, восприятия). Гласные корни здесь соответственно регрессивно ассимилируются в приближении к примете основы: i, в поправлении a > e, u, uo > u i. Формы этой основы:

Имперф.—ı	lic-ī	bèx-i	buizī
Перф.— ir	lic-ır	— ir	buizir
Аорист. I — ina	lic-ına	bexına	buizna
„ II —inièra	lic-ıniera	bex-niera	buizniera
Прич. прош.— ina	lic-ina	bex na	buizna
„ „ —inarg	— rig	—rig	—rig
Герунд. — inacuh	lic-inacuh	bexnacux	buiznacuh
„ —inacuiri	—cuiri	— cuiri	—cuiri
Условн —inieh	lic-ınieh	bexnieh	buiznieh
„ —inielah	—inielah	bexnilah	—lah
Усл. гипот.—iniexara	lic-iniexara	bexniehara	buizniehara

Но это различие основ является не только особенностью языков чеченской группы (см. парадигмы на стр. 140, 159). Подобное мы можем заметить в языках абх.-адыгейск. группы. Напр., в абхазском 1 основа не имеет признака (неопред. прош. sə-qa-n), 2 основа (имперфект.) с признаком — a : s-qal a-p (я был), неопред. будущее s-qal-st; 3 основа (перфект.) с признаком — u: s-qael-ət, аор. s-qal-u-eit давнопрош. s qal-a-xjan (50 стр.); заметно оно в языках картвельской группы, где, напр., от гл. car-ua (писать) в мингрельском яз. мы имеем с одной стороны формы u = основы (здесь имперфективной): наст. v-car-u-nk, имперф. v-car-un-di, желат. v-car-un-da, с другой стороны формы i — основы (перфективной): аор. v-car-i, сосл. v-car-a (a—основа), условн. v-car-i-ko от имперфективной основы: m-car-un, в груз. от перфективной: mi-cer-i-a (стр. 100, 110). Далее подобное различие мы имеем в аварском яз., где, напр., формы вспомогательного глагола имеют то u-основу: v-ok'u (с классн. элементом ji-k'u b-uk'u, ru-k'u и т. д.), то i-основу (v-uk'i, ji-k'i, b-uk'i и т. д.); (стр. 172). В хварчин. яз. от семантемы √ак^{c}w — видеть, наст. время: ak^{c}w-se, перфект. ak^{c}w-i (217 стр.). Перфективные формы имеют признак: i в капучинском (наст. на—co, перф. на io — 218 стр.). Заметно различие 3 основ в хюркилинском (см. парадигмы на стр. 226, от гл. izis основы: iza-, izu-, izi-), двух основ в лакском (стр. 247, парад. гл. las — брать, основы: las-a, las-u), табасаранском (стр. 247, от гл. aldak'-uz — падать, основы: ildik имперфект. и aldak — перфект.), агульском (стр. 283, от. гл. diwas, основы: diwa — имперф. и diwu — перф.), рутульском (стр. 314, основы гл. √ha — делать: имперфект. ha, перфект. hə), цахурском (329 стр.). Здесь также мы стоим перед некоторой общей особенностью системы и, вероятно, традиции, имеющей важное значение в изучении кавказского спряжения. Выше мы указали уже, что различие основ и разрядов форм комбинируется с различием конструкций глагольного комплекса, с различием его т. ск. залогового значения.

VI. Кавказское спряжение в отдельных случаях необычайно сложно, и эта сложность объясняется как развитием полисинтетической системы с ее местоименными, классными и др. элементами предикативного комплекса, так и разнообразием форм с их элементами-признаками. Кавказ. языки, за редкими исключениями, не имеют относительных местоимений и гипотаксиса (подчинения предложений). Синтаксис имеет паратактический характер и вследствие этого глагол развивает все морфологические категории. На ряду с формами собственно глагольными, которых даже меньшинство (формы времен и наклонений), образуются формы или комплексы отглагольных имен, склоняемых инфинитивов, отглагольных прилагательных (причастий), отглагольных наречий (деепричастия, герундии); в отдельных языках (лакск.) даже и глагольные формы могут быть склоняемы. Самое спряжение образуется личными местоимениями в одних языках (картвельское), классными в других (дагестанское), то теми и другими вместе; исходит то из собственно вербальных форм, то из форм именных, и носит характер причастный. Поэтому формы сложных предложений в кавказских языках стоят ближе к древне-русским, напр. паратактическим оборотам, чем к современным гипотактическим, и совершенно точно часто не передаются. Напр., чечен. imam volc̆uh nax bu (где имам, там и народ: volc̆uh — герундий — адэссивного падежа = имаму, где — будущу народ есть); suegah volu lai (при мне находящийся раб: suegah — Adessiv. от мест. личного). Чечен. médrisieh valah muolla vaajta = если мулла в школе, позови его (medrisieh — инессивн. п., valah-инесс. условного отглагольного наречия). Чечен. mila vu suexĭ nanna dikĭ xilerig точнее можно перевести по др.-русски: „кто (от) вас своей матери добр сущи", чем гипотактически по-современному: „кто из вас есть такой, который был бы добр к своей матери" (т. е. хорошо относился бы). Аварск. dun v-uge-b bak t°ija-b b-ugo не переводится точно: здесь dun — им. п. = я, v-uge-b — прич. наст. вспомог. глагола с кл. элементом субъекта — v и объекта — b, bak — им. п. = место, t° ija-b — красиво, с кл. элементом объекта — b. Наша фраза: „занимаемое мною место красиво", или: „место, где я нахожусь, красиво" — передает только смысл аварск. фразы, но не соответствие ее формы нашим формам. Хюрк. — hud hänkiliw ırani adamis vaha vitlugin = тебе работающему человеку приказ дай = дай приказ человеку, который у тебя работает. Однако некоторые языки имеют подчинение предложений и относительные местоимения, напр. грузинск. mamao c̆veno, romeli xar̆ cata-s̆ina = отче наш, иже еси на небесах... В этом заметно уже некоторое движение в сторону иной системы, приближающейся к флективной и гипотактическому синтаксису.

Такое же развитие мы имеем и в других случаях. Вообще дагестанские языки образуют спряжение путем классных элементов без личных местоименных элементов в глагольном комплексе, но в ряде языков есть такие элементы, при чем они переносятся из начала в конец, и мы получаем агглютинативную или даже флективную форму (однако, без чередования звуков корня и основы, что собственно и является главным признаком флективности). При этом мы имеем здесь одно характерное различие: в языках удинском, табасаранском и бацойском (тушинском) агглютинация создается местоименно-личными элементами, в лакском и хюркинском — класными. Например:

	Удинск.	Табасар.
Ед. 1.	besa-za я делаю	aldaku-za я падаю
2.	besa-nu ты делаешь	„ va ты падаешь

Мн. 1. besa-jan мы делаем aldakuna мы падаем
2. besa-nan вы делаете „ c'a вы падете

Иначе в лакском и хюркилин. Здесь вспомогательный глагол я есмь, ты еси и т. д. имеет формы:
Лакск. ед. 1—ura, 2—ura, 3—uri. Мн. 1—buru, 2—buru, 3—buri
Хюрк. ед. 1—saira, 2—sairi, 3—sai. Мн. 1—sarra, 2—sarra, 3—savri (стр. 348-9). Однако, мы здесь ясно видим, что агглютинативность парадигм и даже некоторое подобие флективности создается из элементов той же самой системы и не имеет признаков иного строения, иных элементов, не свойственных другим языкам, только эти элементы здесь иначе размещены и использованы, при чем в иных языках можно найти и промежуточные, средние формы, с местоименными или классными элементами в начале, в средине и в конце комплексов. Однако, здесь мы можем видеть, как другая система, агглютинативная и даже флективная, могла сложиться в результате долгого развития из элементов ей предшествовавшей, более древней по всем признакам, не только пример которой, но может быть и элементы которой представляют нам кавказские языки. Здесь мы имеем даже подобное нашему образование переходных глаголов из непереходных, образование глаголов из иных категорий путем присоединения вспомогательного глагола, в чеч. путем присоединения элементов гл. b-ara, d-ara : lic-ar, bax-ar и т. д. (ср. в немецком — путем присоединения всп. гл. machen, können, осет. кæнын).

8. Сравнительная грамматика.

В таких главных чертах рисуется по данным работы А. М. Дирра грамматическая система кавказских языков. Система эта одна, общая для всех их, и в них мы не видим с этой стороны внутреннего конструктивного различия. Есть различия только в вариациях этой системы, в количестве и размещении ее элементов, в различии самих элементов, однако с сохранением ясных следов общей традиции. Все это, по нашему мнению, создает возможность сравнительно-грамматического их изучения, возможность создания сравнительной грамматики кавказских языков и необходимость такой работы для более подробного и глубокого их изучения. Но ясно, что сравнительная грамматика кавказских языков не может ограничиться только собственно кавказскими языками. Поскольку эти языки обнаруживают ясную связь, и не только в отношении своей конструкции с языками хотя бы баскским и древне-малоазиатскими, те языки здесь должны быть приняты во внимание. Многочисленные случаи сходства и общности отдельных грамматических элементов этих языков с кавказскими по данным отдельных исследователей приводит, например, A. Trombetti в своих работах (см. Elementi di Glottologia, стр. 103 сл.). Таковы, например, дат.—эргат. окончание халдского языка — ni (Argišti-ni, sarduri-ni) (ср. кюрин., хюркилин., лакск.); суфф. мн. ч. ši (ср. чечен., цахурск.); эргативн. окончание — š (s), местное окончание — di (ср. агульск., табасар., рутульск.); глагольное окончание — u-bi (ср. u-p — абх., лазск.— u-ph, табасар.— u-b, груз.— e-b (i); митанск. языка—глаг. окон.— št (tana-št, pete-št, koco-št), коссейского языка — префиксы имен (u-kur, ср. лак. d-u-kra, b-ukra, кубач. u-kalla, уд. u-xal), личные местоимения, числительные и др. Обнаруживается общность известных элементов с баскским языком, напр. в глагольных формах:

Баск. g-ara, g-ara-te Абхаз. h-arà, h-ar-th Грузин. w-ar-th мы есмы
z-ara, z-ara-te šv-ara, šv-ar-th x-ar-th вы есте

и во многих других элементах. Более подробные сопоставления с учетом фонетических изменений, несомнено, вскроют еще новые сходства, чем те, которые уже и теперь указаны в работах Шухардта, Борка, Винклера, Тромбетти, у нас—Н. Я. Марра и др. Но, разумеется, сравнительная грамматика кавказских языков примет иной вид, чем, напр., индоевропейская или семитическая, уже потому, что здесь мы имеем дело с иной языковой структурой и с иными звуковыми соотношениями, которые нельзя мерять индоевропейской меркой, но которые необходимо определять внимательным и чутким сопоставлением фактов. Во всяком случае работа А. М. Дирра, делая следующий шаг к сравнению и сопоставлению кавказских языков по сравнению с работой Erckert'a, во многом неточной, намечает прямой путь к кавказской сравнительной грамматике.

С внешней стороны язык представляет известную систему форм, с внутренней же стороны грамматическая система языка есть установившееся и устанавливающееся в известных традиционных формах социальное сознание. „Язык так же древен, писал Маркс, как и мое сознание. Это — практическое, существующее для других людей, а, значит, существующее для меня самого также, реальное сознание. Язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношений с другими людьми. Мое отношение к моей среде и есть мое сознание". (Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 220, 223, заметки о Фейербахе). Слова и формы языка, его система в целом и частях является установившейся и устанавливающейся системой сознания, формы его — формы социального сознания. Они создались и создаются в прямой зависимости от основного производственного процесса, выходят из расчленения этого процесса и разделения труда. „Способ производства" переходит здесь постоянно в „способ представления", и таким образом мы получаем в языке известного рода идеологическое „отверждение социальной деятельности", „консолидирование нашего собственного продукта в объективную силу над нами, которая ускользает от нашего контроля" (там же). Вследствие этого выяснение системы кавказских языков и элементов общей традиции в ней необходимо приводит к выяснению того, на какой социально-экономической почве создавалась эта система, от каких условий производственной практики и социальной жизни были отвлечены, отторжены ее представления, ее формы и элементы, ее синтетический и инкорпоративный строй, ее разделение всех предметов на классы и разряды ее различие состояния восприятия и действия в предикатах, ее обилие номинальных и номинально-вербальных образований, местных частиц, особый строй представлений и понятий в восприятиях разных актов, и к выяснению также того, чем обусловливалась здесь общая традиция и последующие видоизменения разных ее элементов. В таком случае сравнительно-грамматические исследования необходимо связываются с исследованиями этнологическими и этнографическими, экономическими и социологическими, и историческими, ибо в языке необходимо выражается вся культура общества, все его сознание, все „надстройки" его социально-экономического бытия.

БИБЛИОТЕКА